

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: garok1946@mail.ru

О.И. Костикова,

доцент, кандидат филологических наук, заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: garok@list.ru

ПЕРЕВОД И ОБЩЕСТВО

Всякий перевод независимо от того, в какой форме и в каких условиях он осуществляется, какую информацию несут подлежащие переводу тексты, — это когнитивная деятельность индивида, обладающего соответствующими компетенциями. Переводчик порождает информацию и передаёт её в новое коммуникативное пространство. Он — «коммуникативный медиатор», способный разрешать конфликты взаимного непонимания, возникающие в ходе межязыковой коммуникации.

Человеческое общество на протяжении тысячелетий в самых разных целях использует результаты деятельности переводчика, оценивает его удачу и ошибки, восхваляет то, чем переводчик смог ему понравиться, и казнит переводчика за то, что считает для себя неприемлемым.

Насколько современная наука учитывает триединую сущность перевода? Какие модели приемлемы в научном описании переводческой деятельности? Как методы науки о переводе коррелируют с методами других научных дисциплин в трансдисциплинарном научном знании о переводе?

Авторы статьи предлагают свои ответы на эти и некоторые другие вопросы современной науки о переводе.

Ключевые слова: переводческая деятельность и общество, коммуникативная медиация, когнитивная деятельность переводчика, наука о переводе, трансдисциплинарность, модель перевода.

Перевод — один из видов интеллектуальной деятельности человека — представляется по отношению к субъекту этой деятельности — переводчику — в двух ипостасях: внутренней, когнитивной, и внешней — социальной. Они связаны между собой системными отношениями.

Внутренняя когнитивная сущность перевода заключается в том, что перевод предстаёт как когнитивная деятельность по восприятию информации из определённого источника (исходного текста), её интерпретации (осмысление и оценка), кодировании в иной знаковой системе и передаче в определённое коммуникативное пространство.

Эта последняя функция передачи информации – прямой мостик из внутреннего мира переводчика во внешний, социальный, ведь информация – это востребованное знание, возможное лишь в обществе. Таким образом, перевод оказывается социальным феноменом.

В современном мире, переживающем эпоху «больших данных» (*Big data*) переводчик оказывается одним из важнейших звеньев общей информационной системы, генерирующим новые данные. Благодаря деятельности переводчиков общая мировая информационная система пополняется так называемыми «межъязыковыми большими данными», т.е. многоязычными образами явлений той или иной культуры¹.

Социальная функция перевода состоит в «утолении информационного голода» и преодолении «коммуникативного дискомфорта», вызванного невозможностью понять другого в силу различия коммуникативных кодов в условиях двуязычной коммуникации. Переводчик выступает в обществе в роли посредника, некоего «коммуникативного медиатора», задача которого состоит в разрешении коммуникативного конфликта, заключающегося во взаимном непонимании и приводящего к отчуждению сторон. Переводчик, как и всякий медиатор, нейтрален и обладает преимуществом знать больше, чем каждая из сторон в отдельности, что предполагает необходимость формирования у него определённых компетенций и воспитания соответствующих психических свойств. Социальный характер перевода делает его зависимым от ряда социальных факторов. Социальный характер участников коммуникации, в том числе самого переводчика (как устного, так и письменного), социальная значимость каждого перевода, условия процесса коммуникации, а также многие другие факторы, влияют на процесс перевода и его результат.

Когнитивная сущность перевода и его социальная функция коммуникативной медиации находятся между собой в системных отношениях.

Перевод предстаёт, прежде всего, в виде системной интеллектуальной деятельности человека, элементы которой связаны между собой системными отношениями. Системные отношения определяют как характер процесса перевода, так и его результат – текст перевода. Текст перевода, его содержание и форма рождаются в ходе когнитивной деятельности переводчика как реакция не только на

¹ В качестве примера можно привести международный проект китайской компании Global Tone Communication Technology Co. Ltd – одного из ведущих мировых провайдеров услуг межъязыковых больших данных.

текст оригинала, но и на целый ряд внешних, социальных, факторов, информационного, технологического, исторического, экономического, этического, эстетического характера, связанных между собой системными отношениями. Это постоянное системное взаимодействие благодаря свойству эмергентности, т.е. «системному эффекту», заключающемуся в возникновении в системе особых свойств, не присущих её подсистемам и блокам, обуславливает рождение в процессе перевода его главного элемента – переводческого решения. Решение переводчика не смогло бы сформироваться изолированно только как реакция на текст оригинала без взаимодействия сознания переводчика с внешней, социальной, средой.

Переводческое решение, которое находит своё эксплицитное выражение в тексте перевода, его форме и содержании, предполагает определение целей акта перевода и возможностей его успешной реализации в конкретных социальных условиях, нахождение и оценку альтернатив, выработку решения, его реализацию и, наконец, самооценку успешности реализации решения и возможных последствий.

1. Социальный портрет переводчика.

Переводчик – «коммуникативный медиатор»

Сегодня, как и прежде, переводчик в общественном мнении нередко расценивается как человек, осуществляющий некую вспомогательную деятельность по предоставлению «коммуникативных услуг». Для выполнения этой социальной функции якобы не требуется много интеллектуальных усилий, собственных мыслей, способности принимать самостоятельные решения. Французский философ А. Берман, ставя вопрос о значении перевода для современного пространства культуры, говорит о «теновом, оттеснённом, отверженном и *подсобном* положении перевода» вплоть до «подозрительного», которое отражается и на положении переводчиков: “Je fais référence ici à quelque chose qui ne peut pas ne pas être évoqué: la condition occultée, refoulée, réprouvée et ancillaire de la traduction, qui répercute sur la condition des traducteurs <...> La condition de la traduction n'est pas seulement ancillaire: elle est <...> suspecte” [Berman, 1984: 14].

Заниженная оценка социальной роли переводческой деятельности сложилась довольно давно в истории взаимодействия переводчиков и общества. В эпоху Просвещения Монтескье в *Персид-*

ских письмах (1721 г.) написал ироничный, почти карикатурный, портрет переводчика:

«<...> встречный, поднеся руку ко лбу, сказал геометру: «Я очень рад, что вы меня толкнули, так как у меня есть для вас большая новость: только что вышел из печати мой Гораций». — «Как! — воскликнул геометр, — да ведь он издан уже две тысячи лет тому назад». — «Вы меня не поняли, — отвечал другой, — я выпустил в свет перевод этого древнего поэта: вот уже двадцать лет, как я занимаюсь переводами». — «Да что вы? — не унимался геометр. — Значит, вы уже двадцать лет не думаете, сударь? Вы говорите за других, а они за вас думают?» — «Милостивый государь! — сказал учёный, — разве вы не считаете, что я оказал большую услугу публике, сделав доступным чтение хороших писателей?» — «Я не совсем так говорю: я не меньше всякого другого почитаю высоких гениев, которых вы переряжаете, но вы-то сами никогда на них не будете похожи, ибо сколько бы ни переводили, вас-то переводить не станут. Переводы — всё равно что медные монеты, которые могут представлять собою ту же ценность, что и червонец, и даже имеют большее хождение в народе, но они всегда неполновесны и низкопробны. Вы говорите, что хотите оживить для нас этих прославленных мертвецов. Признаю: вы даёте им тело, но жизни им вы не возвратите: не хватает духа, который оживил бы их. Почему бы вам не заняться поисками прекрасных истин, которые при помощи простого вычисления можно открывать хоть каждый день?» После этого маленького совета они разошлись, видимо очень недовольные друг другом» [Монтеスキё, Письмо СХХVIII].

Учёный-переводчик XVIII века, по мнению учёного-геометра, не думал, а лишь повторял слова других, а результат его труда воспринимался лишь как жалкое подобие оригиналу.

Таков довольно печальный социальный портрет переводчика, нарисованный в далёком прошлом и передаваемый лишь с незначительной ретушью из поколения в поколение.

Итак, парадокс очевиден: переводческая деятельность, будучи всегда востребованной обществом и производящая продукты, широко потребляемые обществом, в то же время постоянно им недооценивается.

Сам этот парадокс мог бы стать отдельным объектом исследований, как в социологии, так и в науке о переводе для решения многочисленных проблем, отражающих многосторонние отношения между Переводчиком и Обществом.

Одна из причин такого парадокса лежит в ошибочном общественном мнении о простоте переводческой деятельности. Р. Гоффен,

рассуждая о задачах университетской подготовки переводчиков, справедливо заметил:

“Traduction a toujours été une tache ardu et pourtant, la traduction a presque de tout temps laissé la porte ouverte aux dilettantes dont la ronde n’a cessé d’asphyxier la profession. Il n’y a pas longtemps l’on confiait une traduction à une secrétaire bilingue, car on tenait la traduction pour un simple artisanat ou une affaire de praticien appliquant, avec plus ou moins de bonheur, un ensemble de recettes” [Goffin, 57]. (Перевод всегда был сложной задачей и, тем не менее, почти всегда оставлял двери открытыми дилетантам, чередой которых не прекращала удушья профессию. Ещё не так давно перевод поручили двуязычной секретарше, полагая, что перевод — это простое ремесло, практика, использующая, с большим или меньшим успехом готовые рецепты — перевод с франц. мой. — *Н.Г.*).

В самом деле, общественная потребность в переводческой деятельности столь велика, что даже после того, как перевод стал массовой профессией, а подготовка переводчиков приобрела массовый характер, и переводчики стали получать специальное системное университетское образование во многих университетах мира, довольно большую часть переводческих задач общество до сих пор вынуждено поручать дилетантам.

Сегодня, в эпоху стремительного совершенствования информационно-коммуникационных технологий, когда компьютер из помощника переводчика превращается в соперника, всё чаще в общественном сознании возникает вопрос, не является ли перевод той профессией, которая в ближайшее время исчезнет под натиском все более совершенных систем автоматического перевода в связи со всеобщей угрозой «технологической безработицы», которую влечёт за собой четвёртая промышленная революция [см. Garbovskiy, Kostikova, 2017: 366–368]. Однозначный ответ на этот вопрос сегодня дать невозможно. Но очевидной представляется перспектива вытеснения программами автоматического перевода переводчиков-дилетантов. Переводческая профессия из профессии массовой вновь может превратиться в деятельность интеллектуальной элиты, способной к принятию неординарных решений.

Дилетант в переводе — это человек с недостаточно сформированными специальными переводческими компетенциями, которые в системе формируют личность переводчика.

Личность переводчика оказывается одной из основополагающих категорий в философии перевода А. Бермана. В работе *В пользу критики перевода: Джон Донн Берман* развивает тезис о том, что

для науки о переводе, в частности, для построения основ критики перевода необходимо, прежде всего, знать, что представляет собой личность переводчика: “*Aller au traducteur*”, c’est là un tournant méthodologique d’autant plus essentiel que, comme nous l’avons vu plus haut, l’une des tâches d’une herméneutique du traduire est la prise en vue du sujet traduisant. Ainsi la question qui est le traducteur? doit-elle être fermement posée face à une traduction. Après tout, face à une oeuvre littéraire, nous demandons sans trêve: qui est l’auteur?” [Berman, 1995: 73]. (Обратиться к переводчику, именно в этом состоит методологический поворот тем более важный, как мы видели выше, потому что одна из задач герменевтики перевода состоит в том, чтобы увидеть переводящего субъекта. Анализируя перевод, необходимо чётко представлять себе: кто переводчик? Ведь, размышляя о литературном произведении, мы без конца спрашиваем: кто автор? — перевод с фр. мой. — О.К.). Правда, по мнению Бермана, за двумя одинаковыми по форме вопросами стоят разные смыслы. Так, говоря об авторе, нас будут интересовать сведения из его биографии, психологические и экзистенциальные мотивы, способные пролить свет на его произведения. И даже если сторонники структурного и имманентного анализа стремятся ограничить значимость этих аспектов, вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что, не зная всё о жизни Дю Белле, Руссо, Гельдерлина или Бальзака, сложно понять их творчество. “*La question qui est le traducteur? a une autre finalité*” [Ibid.] (Но вопрос: *кто переводчик?* преследует совершенно иную цель) — продолжает Берман.

Нельзя не согласиться с Берманом в том, что обычно, за редким исключением, ни биография переводчика, ни его переживания нас не касаются. В самом деле, кого интересовала личность переводчиков, принёсших в русскую культуру Гомера, Шекспира, Вольтера, Хемингуэя и многих других авторов шедевров мировой литературы?

Но интерес исследователя или критика перевода весьма отличается от интереса читающего потребителя переводной литературы. Для них личность переводчика не может оставаться в тени. Анализируя или критикуя перевод, они непременно задумываются о личности «человека переводящего».

Берман предлагает некую матрицу, которая могла бы помочь раскрыть, разумеется, только при первом приближении, личность переводчика. В этой своеобразной социологической анкете должны содержаться, по мнению французского исследователя, ответы на семь вопросов:

1. Каково отношение переводчика к языку перевода и принимающей культуре (является ли для него язык перевода и принимающая культура родными).

2. Каково отношение переводчика к переводу: основная профессия или любительство?

3. Занимается ли переводчик самостоятельным литературным творчеством?

4. С каких языков переводит и насколько он ими владеет?

5. Работает ли переводчик в одном жанре или нет, переводит ли только одного и того же автора или нет?

6. Каковы круг авторов и библиография переведённых произведений?

7. Какова метатекстовая практика переводчика, публикует ли он комментарии о переводимых произведениях и авторах; а также рассуждения о собственной переводческой деятельности и о переводе вообще? [см.: Гарбовский, Костикова, 2009].

Какова же цель исследований герменевтического характера, которые рассматривают перевод как «испытание чужим» [Берман, 1984] путём сравнения текстов оригинала и перевода? Оценить и объяснить выбор переводчика, вынужденного делать понятным непонятное и осваивать чужое? Или разработать стратегию, которая в будущем позволила бы избежать затруднений в переводческом конфликте между «своим» и «чужим»? Первый, ретроспективный, подход свойственен переводческой критике, а второй — перспективный, прежде всего, касается методологии перевода.

Необходимо отметить, что интерпретация «чужого» составляет основу переводческого решения, и если вновь вернуться к вопросу о возможности замены в переводческой деятельности естественного интеллекта — человека-переводчика — искусственным, то вопрос об интерпретации «чужого» переводчиком возникает в новом ракурсе: для искусственного интеллекта не существует «своего» и «чужого». Соответственно и решения искусственного интеллекта в процессе перевода будут опираться на иную основу, нежели решения человека-переводчика. Искусственный интеллект сможет предложить самый лучший вариант, на основе сравнения огромных масс данных. Но как поведёт он себя, столкнувшись с новым знанием, новыми формами, новыми идеями и решениями, не облачёнными ещё в многоязычные формы. Машина сегодня уже способна написать «правильные» стихи, «правильное» музыкальное произведение. В скором времени она сможет сделать «правильный» перевод «правильного» текста, нейтрализовав всё индивидуальное и «чужое», ведь представление о «чужом» для машины чуждо.

2. Эпистемология научного знания о переводе

В условиях заметного развития переводческой деятельности, обусловленного общественной потребностью обеспечения межъязыковой коммуникации в условиях расширения международных контактов во второй половине XX века, мастерство одиночек, зачастую замечательных переводчиков, не могло более удовлетворять общество. Социальная значимость переводческой деятельности требовала соответствующего образования переводчиков, которое должно было быть эффективным и быстрым. Однако массовое образование не может опираться только лишь на эмпирический ремесленный опыт переводчиков, взявшихся за преподавание. Оно должно опираться на теорию, которая бы позволила сформулировать закономерности, и таким образом, общие модели, показывающие связь между процессами, происходящими при переводе, и проверенные опытом.

Теория должна была отвечать вызовам времени, в то время как переводческая практика продолжала быстро развиваться. Но какова была эта теория?

Социологическое и когнитивное направления исследований переводческой деятельности долгое время уступали место сравнительному лингвистическому анализу текстов оригинала перевода, цель которого заключалась в том, чтобы установить степень семантической, в лучшем случае стилистической эквивалентности между исходным сообщением и сообщением, рождённым в результате переводческой деятельности. «Поскольку перевод всегда имеет дело с языком, всегда означает работу над языком, постольку перевод всего больше требует изучения в лингвистическом разрезе — в связи с вопросом о характере соотношения двух языков и их стилистических средств», — утверждал родоначальник отечественной науки о переводе А.В. Фёдоров [Фёдоров, 1953: 13]. Прекрасно осознавая, что в двуязычной коммуникации факторы, влияющие на процесс перевода, различны и что существует как минимум три параметра, из которых вытекают эти факторы: 1) языковые системы, 2) объективная действительность и её отражение, 3) участники коммуникации, использующие знаки, исследователи ставили во главу угла именно лингвистический параметр. «Объективные процессы перевода в первую очередь определяются факторами, вытекающими из особенностей языков, а остальные факторы носят более или менее случайный характер. Отсюда следует, что в основе перевода лежат лингвистические факторы, а теория перевода является частью прикладной лингвистики» [Комиссаров, 2001: 241].

Наука о переводе представлялась и продолжает представляться в мнении даже научного сообщества как некая прикладная ветвь сравнительного, типологического и сопоставительного языкознания: «По сути дела, – речь идёт о приложении лингвистической теории к конкретному виду речевой деятельности – переводу. Поэтому можно охарактеризовать общую лингвистическую теорию перевода как отрасль прикладного языкознания, если под последним понимать не только вычислительную лингвистику (*computational linguistics*), но и любую область применения языковедческой теории к решению конкретных задач», – писал двадцатью годами позднее переводчик и выдающийся отечественный лингвист и теоретик перевода А.Д. Швейцер [Швейцер, 1973: 16].

Научные исследования по переводу развивались в широкой и одновременно ограниченной области лингвистики, которая и заложила их теоретические основы. С одной стороны, эта область обширна по причине предмета её изучения, так как лингвистика изучает самую важную способность человека выражать свои мысли на языке различными способами. С другой стороны, в том, что касается перевода, эта область оказывается ограниченной, поскольку лингвистика, как и любая другая научная дисциплина, имеет собственное одностороннее и довольно узкое представление об объекте изучения.

Лингвистический подход, продиктованный не только многообразием систем языков, но и вариативностью способов выражения в коммуникации на каждом из них, безусловно, имеет право на существование, так как техника перекодирования сообщения средствами иного языка, которую неоднократно пытались исследовать и описать по отношению к самым различным языковым комбинациям, по-прежнему остаётся не до конца изученной.

Исследователи перевода середины XX века (см. напр.: Гак, Комиссаров, Рецкер, Фёдоров, Якобсон, Catford, Halliday, Nida и др.) с определённой долей оптимизма полагали, что современная им лингвистика с её методами, теоретическими моделями и средствами изучения фактов речи должна была составить доминирующую область науки о переводе, так как, по их представлениям, могла ответить на наиболее острые, методологически значимые, вопросы, поднимаемые практикой перевода.

Лингвистическая теория 60-х годов с её методологией трансформационного анализа языковых фактов казалась дисциплиной в наибольшей степени предназначенной для изучения переводческой деятельности.

В то же время с самого начала переводческая деятельность представляла настоящую проблему для теоретической лингвистики.

Один из первых французских лингвистов, обратившихся к проблемам перевода в начале 60-х годов прошлого века, Ж. Мунен заявлял: “L’activité traduisante pose un problème clé à la linguistique contemporaine: si l’on accepte les thèses courantes sur la structure des lexiques, des morphologies et des syntaxes, on aboutit à professer que la traduction devrait être impossible. Mais les traducteurs existent, ils produisent, on se sert utilement de leurs productions” [Mounin, p. 8]. (Переводческая деятельность ставит перед современной лингвистикой проблему теоретического плана: если согласиться с расхожими положениями о структуре лексик, морфологий и синтаксисов языков, то придётся признать, что перевод невозможен. Но переводчики существуют, они создают продукты, и мы с пользой для себя используем эти продукты — перевод мой. — *Н.Г.*) В связи с этим возникает необходимость понять, что имеет в виду лингвистическая наука, когда она заявляет, например, о непроницаемости грамматической системы одного языка для другого, а также то, что происходит в голове человека в момент перевода и почему достоверность переводов не ставится под сомнение обществом.

Мунен, владевший русским языком и один из первых на Западе познакомившийся с работой Фёдорова *Введение в теорию перевода*, противопоставил теорию Фёдорова, приверженца лингвистического подхода в изучении перевода [Фёдоров, 1953], теории Эдмона Кари, превосходного письменного и устного переводчика, отрицавшего пользу лингвистического анализа перевода. Это связано с тем, что для Кари перевод был своеобразным процессом [Mounin, 1963: 14]), это было скорее искусство, чем просто передача сообщения с одного языка на другой. Соглашаясь с Фёдоровым, Мунен критикует Кари, который был великолепным переводчиком, но недостаточно хорошим лингвистом. Мунен упрекает его в том, что он не учитывает «наряду с внутренней лингвистикой наличие внешней лингвистики (лингвистической психологии, или психолингвистики, и лингвистической социологии, или социолингвистики), а также стилистики, проблемами которой он, как переводчик, занимался». Он уточняет, что Кари, сам того не осознавая, затрагивал «проблемы и области, за пределы которых лингвистика вышла из-за методов изучения, но которые оставались в сфере лингвистического исследования в широком смысле этого слова» [Ibid.: 16].

Казалось бы, что сегодня говорить об этом тривиально, так как за более чем за полувековую историю наука о переводе эволюцио-

нировала и преодолела наивность сугубо лингвистического представления о переводе.

На определённом этапе накопления научных данных о переводе как объекте исследования произошло осознание необходимости сконцентрировать научный поиск на определённом предмете, который бы синтезировал предметы разных наук, изучающих перевод. Именно таким путём формируются новые научные направления. Синтез предметов различных дисциплин с целью построения единой теории объекта, способный привести к созданию новой научной дисциплины, требует системного подхода. И современная наука о переводе пришла к пониманию необходимости синтезировать различные предметные стороны переводческой деятельности как некой системы [Гарбовский 2007, Гарбовский 2015, Salevsky & Müller, 2011].

3. Социология перевода

Социальный аспект переводческой деятельности не ограничивается только вопросами социальной ценности информации, обрабатываемой переводчиками и передаваемой ими в новое информационное пространство, где коммуникация осуществляется на другом языке.

Авторы социологического исследования перевода, проведённого для Центра европейской социологии, Й. Эльброн и Ж. Сапиро, утверждают: “L’analyse sociologique des pratiques de traduction, telle qu’elle est apparue récemment dans un ensemble de recherches, est fondée sur une double rupture, avec l’approche interprétative du texte et de ses transmutations, et avec l’analyse économique des échanges transnationaux” [Heilbron & Sapiro, 2007: 1]. (Социологический анализ практики перевода, в том виде, в каком он стал с недавнего времени проявляться во всех исследованиях, основывается на двух отрицаниях: отрицании интерпретативного подхода к тексту и его преобразованиям, и отрицании экономического анализа транснациональных обменов – перевод мой. – Н.Г.).

Опираясь на теоретические положения социологических исследований П. Бурдьё [Bourdieu, 2002], они пытаются найти среди них такие, которые могли бы быть применены к переводу. Учёные рассматривают перевод с позиций культурного достояния, т.е. они сосредоточивают внимание на «социальных условиях международного обмена (оборота) культурными ценностями» [см.: Ibid.: 3]. Такой взгляд на перевод позволяет исследователям определить

сущность социологического подхода к переводу: “Une approche sociologique de la traduction doit prendre en compte plusieurs aspects des conditions de circulation transnationale des biens culturels, à savoir la structure de l’espace des échanges culturels internationaux, le type de contraintes – politiques et économiques – qui pèsent sur les échanges, les agents de l’intermédiation et les processus d’importation et de réception dans le pays d’accueil” [Ibid.: 2]. (Социологический подход к переводу должен принимать во внимание множество аспектов тех условий, в которых осуществляется транснациональный обмен культурными ценностями, а именно, структуру пространства международных культурных связей, тип ограничений как экономических, так и политических, которые оказывают влияние на международный обмен, лиц, осуществляющие функцию посредника, процессы получения культурных ценностей принимающей страной – перевод мой. – Н.Г.).

Представляется, что эта исследовательская программа представляет определённый интерес для социологии перевода, так как она предусматривает многосторонний анализ условий обмена переводными текстами в огромном многонациональном, культурном пространстве; она также предполагает рассмотрение социальных, экономических и политических ограничений, которым подвержено это перемещение; и наконец, она принимает во внимание участников этого процесса.

Тем не менее, она представляет больший интерес для социологии, нежели для переводоведения. Перевод, как медицина, или любая другая деятельность, имеющая социальную значимость, может быть объектом изучения целого ряда научных, литературных и даже художественных дисциплин. Но всегда круг затрагиваемых вопросов, предмет изучения, будет отличным. У социологии свой интерес в изучении перевода: она стремится изучить его как одну из социальных практик, или даже шире, как *pragmata* – «дела людские», как называл их Аристотель.

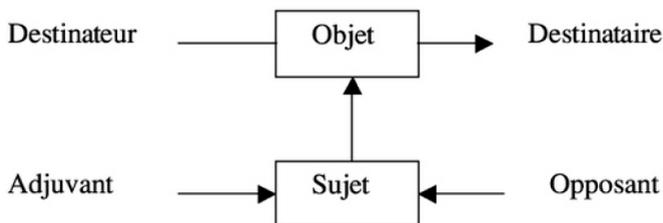
Для того чтобы определить принципы исследования сущности перевода как общественного явления, необходимо построить модель **социальной ситуации перевода**, которая отражала бы системный характер акта перевода и учитывала бы все актанты, объекты акта перевода, типы связей между ними и внешние условия.

4. Модель перевода как социального явления

В 60-е годы французский лингвист А. Греймас для описания структуры предметной ситуации и разложения её на составляющие элементы построил семантическая актантную модель мифоло-

гии. При этом он опирался на семантические модели, построенные В. Проппом (морфологическая модель русских народных сказок) [Пропп, 1928] и Э. Сурьо (модели драмы) [Souriau, 1950].

Модель Греймаса может быть описана следующим образом: субъект действия (Sujet), повинясь своему предназначению – божественному, историческому, социальному, профессионально-ролевому (Destinateur), действует с определённой, конкретной целью (Objet) в интересах кого-либо – конкретного лица, группы, класса, народа, человечества (Destinataire), преодолевая сопротивление противодействующих сил (Opposant) и опираясь на помощь содействующих сил (Adjuvant):

[Greimas, 1966: 180].

Греймас предположил, что эта модель носит практически универсальный характер и может быть применена к другим предметным ситуациям. В качестве иллюстрации он представил в виде этой модели идеальную ситуацию коммунизма [Ibid.: 181]. Являясь инвариантной, эта модель предполагает ряд вариантов, различающихся соответственно классами актантов предметных ситуаций.

Семантическая модель отражает так называемую эмпирическую иконичность коммуникации, то есть «превращение текста в картину действительности путём расположения слов в такой последовательности, которая непосредственно отражает происходящее в действительности» [Энквист, 1988: 336]. Это наблюдение позволило предположить, что модель может быть распространена не только на картины действительности, но и на саму действительность.

Соответственно, можно попытаться приложить эту модель к ситуации акта перевода.

В актантной модели, применимой в сфере перевода, актант сливается с одним из элементов (одушевлённым или неодушевлённым) ситуации перевода.

Существует переводчик (субъект), перевод или текст перевода (объект), аудитория получателей перевода (адресат), негативные

факторы различного происхождения, затрудняющие переводческую деятельность (помехи), позитивные факторы, способствующие успешному решению переводческой задачи (вспомогательные средства), заказчик, который заказывает перевод и следит за его выполнением, оценивает результат (адресант).

В традиционных трёхчастных схемах взаимодействия действующих лиц ситуации перевода переводчик находится между автором исходного текста и читателем текста перевода:

Переводчику предлагалось либо приблизить читателя к автору и ввести его в мир «чужого», чужой действительности, либо пригласить автора к читателю и сделать его понятным и доступным, т.е. «своим».

В актантной схеме, в социологическом понимании, место автора не определено, так как он не фигурирует непосредственно в социальной системе отношений между акторами системы. Теория акторов сети, также известная как аббревиатура ANT (Actor Network Theory), представляет собой один из социологических подходов к общественным явлениям, который с начала 80х гг. XX века развивался Джоном Лоу [Law & Hassard eds. 1999], Мишелем Каллоном [Callon, 2006], Мадлен Акриш, Бруно Лятуром [Akrich, Callon & Latour eds., 2006] и другими исследователями. Этот подход отличается от других классических социологических теорий и представляется вполне применимым к моделированию переводческой деятельности, так как увязывает в единую систему отношений действующих лиц, неодушевлённые предметы и речи.

Схема предметной ситуации, предложенная Греймасом в 1966 г. не размещает ситуацию во времени и пространстве. Но, как справедливо отмечал М. Балляр, перевод как деятельность человека и общества развивается в пространстве-времени. Эти параметры являются основанием записи и действий, также как и рамки, определяющие поведение или отношение: “la traduction en tant qu’activité humaine et sociale se développe dans l’espace-temps; ces paramètres sont un lieu d’inscription et de manifestation tout autant qu’un cadre déterminant des comportements ou des attitudes” (Ballard, 2009: 55). Вот почему мы дополнили эту схему сирконстантами (термины, предложенные Л. Теньером [см.: Tesnière, 1959]) – индикаторами времени и места.

Некоторое расширение актантной схемы Греймаса за счёт размещения ситуации во *времени* и в *пространстве* позволяет смоделировать переводческую деятельность как комплексную схему, построенную вокруг субъекта акта перевода – переводчика, в которой переводчик оказывается связанным системными отношениями с предметами и текстами.

1. Сирконстат «Пространство» – общее пространство, объединяющее в единую подсистему место порождения текста оригинала, место порождения и место восприятия получателем текста перевода, а также виртуальное пространство предметной ситуации.

2. Сирконстант «Время» – общее время, объединяющее в единую подсистему время порождения текста оригинала, время порождения и время восприятия получателем текста перевода, а также виртуальное время предметной ситуации.

3. Актант «Субъект» – письменный/устный переводчик (личность переводчика, его компетенции, эрудиция, психическая предрасположенность, этические и эстетические принципы, настроение и состояние здоровья и др.).

4. Актант «Объект» – двуединая подсистема текста оригинала и текста перевода как преобразованной субстанции.

5. Актант «Адресат» – читатели, участники переговоров, слушатели, социальные институты, общество, говорящее на языке перевода.

6. Актант «Адресант» – издатели, компании, социальные институты, частные лица, заказчики перевода.

7. Актант «Вспомогательные средства» – средства, способствующие деятельности переводчика (средства информации, информационно-коммуникационные технологии, социальные профессиональные сети, технические средства коммуникации и т.п.), доброжелательная критика.

8. Актант «Помехи» – дестабилизирующие факторы (недоброжелательные наблюдатели, неудобство ситуации перевода и пр.), недоброжелательная критика и цензура.

Субъект перевода

Социальная модель перевода отражает определённое положение субъекта – переводчика – центральной фигуры процесса перевода в многоязычной информационно-коммуникационной системе в то время, как другие актанты, влияют в разной степени на процесс перевода, предопределяют и направляют деятельность субъекта своим отношением к нему и к объекту. Модель переводческой деятельности, в какой бы форме не осуществлялся перевод, письмен-

ной или устной, учитывает все различия в социальных функциях всех компонентов, составляющих акт перевода.

Именно он, направляемый адресантом, пускается в длительное путешествие сквозь неоднозначный и обманчивый мир скрытого диалога между языками, культурами, обществами, эпохами и т.д. Он делает это для себя? Такой ответ устраивает в том случае, если переводчик является дилетантом или, по примеру Цицерона и других мэтров античности, работает для себя, для того, чтобы совершенствоваться в ораторском искусстве и находить в языке перевода новые риторические способы выразительности. Но это редкий случай в социальной переводческой практике. Он больше напоминает нечто исключительное, чем обычную деятельность. Он представляет интерес скорее для методологии перевода, нежели для изучения социального статуса для перевода. В большинстве случаев перевод как социальное действие направлен некоему в большей или меньшей степени определённом адресату.

Адресат

Адресат, элемент схемы, который является неоднородным в реальной переводческой практике.

В устной переводческой практике собеседники представлены даже в коммуникативном акте путём посредничества устного переводчика. В схеме они берут на себя точно определённые функции адресанта и адресата: адресант контролирует и вознаграждает устного переводчика за помощь в осуществлении коммуникации с адресатом.

Социальные связи между элементами этой триады, сформированной участниками всего переводческого акта усложняются, когда у адресата нет чёткой схемы. Например, в случае художественного перевода. Художественный перевод, чей конечный продукт направлен на существование в неоднородном обществе, основанном на схеме «адресант – участник переводческой деятельности – адресат», является сферой деятельности, противопоставленной устному переводу.

Кроме того, существует такая разновидность перевода в социальной практике, как посредничество (переводы писем по конкретному назначению, переводы текстов о научных открытиях для конкретного научного сообщества, и т.д.).

Каковы социальные отношения между переводчиком и адресатом? Нужно ли учитывать адресата или же, напротив, игнорировать его? Можно ли его идентифицировать?

В истории науки о переводе можно встретить разные мнения по этому вопросу, вплоть до антагонизма. В XVIII веке переводчик склонен примиряться со взглядами аудитории. «Персидские письма» Монтескье (1721) служат хорошим примером данной социальной практики.

«Я не предпосылаю этой книге посвящения и не прошу для неё покровительства: если она хороша, её будут читать, а если плоха, то мне мало дела до того, что у неё не найдётся читателей.

Я отобрал эти письма, чтобы испытать вкус публики: у меня в портфеле есть много и других, которые я мог бы предложить ей впоследствии.

Однако я это сделаю только при условии, что останусь неизвестным, а с той минуты, как моё имя откроется, я умолкну. Мне знакома одна женщина, которая отличается довольно твёрдой походкой, но хромает, как только на неё посмотрят. У самого произведения достаточно изъянов; зачем же предоставлять критике ещё и недостатки собственной моей особы? Если узнают, кто я, станут говорить: «Книга не соответствует его характеру; ему следовало бы употреблять время на что-нибудь лучшее; это недостойно серьёзного человека». Критики никогда не упускают случая высказать подобные соображения, потому что их можно высказывать, не прягая ума.

Я исполняю, следовательно, только обязанности переводчика: все мои старания были направлены на то, чтобы приспособить это произведение к нашим нравам» [Монтескье, Предисловие, 1721].

Однако, в 20-м веке философия Беньямина отрицала зависимость переводчика от нравов и ожиданий публики. Одним из положений этой теории является то, что перевод может не соответствовать вкусам аудитории [см. Benjamin]; в этом случае функция адресата в синергетическом процессе перевода сведена к нулю. Этот глубоко творческий подход предполагает значительную связь между субъектом и объектом. Субъект-переводчик, свободный создатель, предоставляет читателям законченный текст, а они, в свою очередь, либо принимают, либо отклоняют его. Нравственная свобода переводчика позволяет ему творить, не задумываясь о предпочтениях публики, и формировать новаторские тенденции, давая возможность и другим переводчикам создавать что-то новое. Роль Адресата в этом переводческом процессе менее значительна, гораздо важнее роль Адресанта. Именно он предстаёт не столько в качестве физического лица, управляющего процессом перевода, сколько в качестве кого-то избранного, некой движущей силой перевода.

Вспомогательные средства и помехи

Обычно перевод описывается как процесс, состоящий из трёх элементов, согласно которым переводчик перемещается либо ближе к источнику, либо ближе к потребителю перевода. Актантная модель предлагает упразднить эту оппозицию и сделать переводчика центральным действующим лицом, выполняющим свою работу, а также ясно даёт понять, что для осуществления полноценного перевода необходима свобода действий.

Переводчик окружён не только теми, кто побуждает его к переводу или кто ждёт от него результата, но и теми, кто положительно или отрицательно влияют на его деятельность, а именно *вспомогательными средствами и помехами*, указанные в актантной схеме выше.

Категория *вспомогательные средства* включает в себя прежде всего внешние по отношению к переводчику компоненты ситуации, в частности, лингвистические и культурные универсалии, возможность наблюдать развёртывание предметной ситуации одновременно с восприятием исходного текста. Открытый характер текста оригинала способствует наиболее полному его пониманию. В качестве вспомогательных средств выступают современные информационно-коммуникационные технологии, переводческий инструментарий (в частности, система записей в устном переводе). Успеху коммуникации с переводом способствуют переводческие форумы в социальных сетях, а также редактирование переведённых текстов и доброжелательная критика. Но к этой категории могут быть отнесены и свойства его личности, а также психическое и физическое состояние в момент перевода (лингвистические и предметные знания), позитивная мотивация (побуждение к переводу) и пр.

Категория *помехи*, кумулирующая целый ряд дестабилизирующих факторов, оказывается ещё более сложной. Прежде всего переводчику приходится преодолевать межъязыковую асимметрию и культурные различия. «Закрытый» характер текста оригинала создаёт помехи герменевтического толка. Но помехи могут проявляться и в отсутствии необходимых для успешного решения переводческой задачи *вспомогательных средств* (например, отсутствие компьютера или выхода в Интернет для письменного перевода; отсутствие напарника в кабине синхронного перевода, или психологическая несовместимость с напарником). В качестве реальных помех для успешного решения задачи могут выступать и факторы, относящиеся к самому *субъекту*, т.е. личности переводчика, в част-

ности, его недостаточная готовность к акту перевода, недостаточная компетентность (лингвистическая, предметная, общекультурная), психическое и физическое состояние в момент перевода (плохое состояние здоровья, стресс, депрессия и пр.). Реальной помехой могут выступать также *сирконстанты*, т.е. неблагоприятные временные и пространственные рамки акта перевода.

Таким образом, связи между компонентами актантовой модели, применённой к акту перевода, оказываются более сложными и разветвлёнными, чем это может показаться на первый взгляд.

Схема Греймаса, применённая к переводческой деятельности с учётом её социальной значимости позволяет рассмотреть текст оригинала с новой стороны. Весь этот текст как таковой может относиться как к первой, так и ко второй категории, в зависимости от его сущности. Существуют тексты, изначально созданные для перевода. Они отличаются стандартными формами и иногда даже ориентированы на культуру страны языка перевода, что делает их открытыми для этой деятельности. Таковыми являются речи политиков перед представителями зарубежных стран, документы международных организаций, научные конференции перед многоязычной публикой, техническая документация и т.д.

Но также существуют тексты, авторы которых заведомо полагают, что их работы не будут переведены. Они пишут эти тексты для носителей языка, способных понять и оценить особенности построения различных фраз в тексте, его стилистику, игру слов и т.д. на всех его уровнях. Эти тексты полностью ориентированы на культуру страны родного языка автора и представляют собой большую сложность для переводчиков, как, например, литературные произведения. Такие тексты, «закрытые» для перевода, являются предметом для многовековых размышлений разных переводчиков, критиков, теоретиков о самом объекте и механизмах выполнения перевода.

Открытый или, наоборот, закрытый характер переводимых текстов представляют собой социальный феномен, связанной с целями человеческого общения. Эта характеристика текстов требует углублённого изучения социологии перевода в условиях культурной глобализации, где всё больше прослеживается разница между единичным и общим.

Предмет науки о переводе в этом случае могла бы составить система когнитивно-коммуникативных операций переводчика, сознательно создающего иное, в стремлении создать подобное, в поиске подобия в различном и различия в подобном. Именно это противо-

речие, возникающее из столкновения «своего» и «чужого» в переводе, и порождающие его причины лингвистического, социального, психического, исторического, этнологического и др. характера лежит в основе определения предмета теории перевода и может быть объяснено только путём синтеза знаний о переводе, накопленных разными науками.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. № 1. С. 3–20.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 2007. 544 с.
- Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Исповедь великого переводчика, или первый европейский трактат о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2009. № 3. С. 3–37.
- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
- Монтескье Ш.-Л.* Персидские письма (1721) / Пер. с фр. под ред. Е.А. Гунста. — URL: <http://lib.ru/INOOLD/MONTESK/persid.txt>
- Пропн В.Я.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 215 с.
- Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода. М.: Изд-во литературы на разных языках, 1953. 334 с.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-политический перевод.). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Энквист Н.Э.* Стили как стратегия моделирования текста: Н.Э. Энквист // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1988. Т. 47, № 4. С. 329–339.
- Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода. // Р. Якобсон. Избранные работы. Москва. Прогресс. 1985. С. 361–368.
- Akrich M., Callon M., Latour B.* (éds), Sociologie de la traduction : textes fondateurs. Paris: Presses des Mines, 2006. 401 p.
- Ballard M.* Qu'est-ce que la traductologie? Etudes réunies par Michel Ballard. Agras: Artois presses université, 2006. 302 p.
- Ballard M.* L'espace-temps comme base traductologique. Uluslararası diyalogün odağında bütün yönleriyle çeviri. din ofset matbaacılık san. Ltd. Sti istanbul, 2009, pp. 55–59.

- Benjamin W.* Die Aufgabe des Übersetzers. Charles Baudelaire, Tableaux Parisiens. Deutsche Übertragung mit einem Vorwort über die Aufgabe des Übersetzers von Walter Benjamin, französisch und deutsch, Heidelberg: Verlag von Richard Weißbach, 1923, XVII+67 p.
- Berman A.* L'épreuve de l'étranger. Paris: Gallimard, 1984. 311 p.
- Berman A.* Pour une critique des traductions: John Donne. Paris: Gallimard, 1995. 278 p.
- Bourdieu P.* Les conditions sociales de la circulation internationale des idées // Actes de la recherche en sciences sociales, No. 145, décembre 2002, pp. 3–8.
- Callon M., Ferrary M.* Les réseaux sociaux à l'aune de la théorie de l'acteur-réseau, Sociologies pratiques, 2006/2 (No. 13), pp. 37–44. DOI: 10.3917/sopr.013.0037. – URL: <https://www.cairn.info/revue-sociologies-pratiques-2006-2-page-37.htm>
- Cary E.* Comment faut-il traduire? Lille: Presses universitaires du Septentrion, 1985. 91 p.
- Cary E.* La traduction dans le monde moderne. Genève: Librairie de l'Université Georg S.A., 1956. 196 p.
- Catford J.G.* A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics. London: Oxford University Press, 1965. IX+103 p.
- Garbovskij N., Kostikova O.* Dimension sociologique de l'activité traduisante. La traduction: philosophie et tradition. Ch. Berner, T. Milliaressi (éds). Lille: Presses universitaires du Septentrion, 2011, pp. 129–144.
- Garbovskiy N., Kostikova O.* Le profil du traducteur apprenti dans le climat cyberinformatique: formation – formateur – formé. Lebende Sprachen. 2017. 62(2), pp. 365–378. doi:10.1515/les-2017-0026.
- Goffin R.* Pour une formation universitaire « sui generis » du traducteur // Meta : journal des traducteurs / Meta: translators' journal, 1971. Vol. 16, No. 1–2, pp. 57–68.
- Greimas A.J.* Sémantique structurale. Paris: PUF, 1966. 262 p.
- Halliday M.A.K., McIntosh A., Strevens P.* The Linguistic Sciences and Language Teaching. London: Longmans, 1964. XIX + 322 p.
- Heilbron J., Sapiro G.* Pour une sociologie de la traduction : Bilan et perspectives. G. Sapiro (éd.), La traduction comme vecteur des échanges culturels internationaux : circulation des livres de littérature et de sciences sociales et évolution de la place de la France sur le marché mondial de l'édition de 1980 à 2004. Paris, Centre de sociologie européenne, 2007, pp. 11–26.
- Law J., Hassard J.* (eds) Actor Network Theory and After. The Sociological Review Monographs. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. 264 p.
- Mounin G.* Les problèmes théoriques de la traduction. Paris: Gallimard, 1963. 296 p.
- Nida E.* Toward a Science of Translating. Leiden: E.J. Brill, 1964. X+331 p.
- Salevsky H., Müller I.* Translation as Systemic Interaction. A New Perspective and a New Methodology. Berlin: Frank & Timme, 2011. 366 p.
- Souriau E.* Les deux cent mille situations dramatiques. Paris: Flammarion, 1950. 282 p.
- Tesnière L.* Éléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1959. XXVI+670 p.

Nikolai K. Garbovsky,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: garok46@mail.ru

Olga I. Kostikova,

Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok@list.ru

TRANSLATION AND SOCIETY

Any translation, regardless of its form, the circumstances under which it is carried out or the information contained in original texts, is a cognitive activity of an individual that has relevant competencies. A translator generates information and introduces it into a new communicative space. S/he is a *communicative mediator* able to settle conflicts of mutual misunderstanding arising in the course of interlingual communication.

Throughout centuries, society has used the results of translators' work for many various purposes. It evaluates translators' successes and failures, praises them for what it is inclined to see as fine achievements and executes them for what it finds to be unacceptable.

To what extent does modern science take into account the threefold essence of translation? What models are acceptable in a scientific description of translation activities? How do translatology methods correlate with those of other scientific disciplines in today's transdisciplinary knowledge about translation?

In the present article, the authors provide answers to these and some other questions posed in modern translatology.

Key words: translation activity and society, communicative mediation, a translator's cognitive activity, translatology, transdisciplinarity, translation model.

References

- Akrich M., Callon M., Latour B.* (éds) *Sociologie de la traduction : textes fondateurs*. Paris: Presses des Mines, 2006. 401 p.
- Ballard M.* L'espace-temps comme base traductologique. Uluslararası diyalogün odağında bütün yönleriyle çeviri. din ofset matbaacılık san. Ltd. Sti istanbul, 2009. pp. 55–59.
- Ballard M.* Qu'est-ce que la traductologie? Etudes réunies par Michel Ballard. Arras: Artois presses université, 2006. 302 p.
- Benjamin W.* Die Aufgabe des Übersetzers // Charles Baudelaire, Tableaux Parisiens. Deutsche Übertragung mit einem Vorwort über die Aufgabe des Übersetzers von Walter Benjamin, französisch und deutsch, Heidelberg: Verlag von Richard Weißbach, 1923, XVII+67 p.
- Berman A.* L'épreuve de l'étranger. Paris: Gallimard, 1984. 311 p.
- Berman A.* Pour une critique des traductions: John Donne. Paris: Gallimard, 1995. 278 p.
- Bourdieu P.* Les conditions sociales de la circulation internationale des idées. Actes de la recherche en sciences sociales, No. 145, décembre 2002, pp. 3–8.

- Callon M., Ferrary M.* Les réseaux sociaux à l'aune de la théorie de l'acteur-réseau, *Sociologies pratiques*, 2006/2 (No. 13), pp. 37–44. DOI: 10.3917/sopr.013.0037. – URL: <https://www.cairn.info/revue-sociologies-pratiques-2006-2-page-37.htm>
- Cary E.* Comment faut-il traduire? Lille: Presses universitaires du Septentrion, 1985. 91 p.
- Cary E.* La traduction dans le monde moderne. Genève: Librairie de l'Université Georg S.A., 1956. 196 p.
- Catford J.G.* A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics. London: Oxford University Press, 1965. IX+103 p.
- Enkvist N.E.* Stili kak strategiya modelirovaniya teksta [Styles as a Text Modeling Strategy]. N.E. Enkvist. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1988. Vol. 47, No. 4, pp. 329–339.
- Fyodorov A.V.* Vvedenie v teoriyu perevoda [An introduction to the theory of translation]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na raznyh yazykakh, 1953. 334 p. (In Russian).
- Garbovskij N., Kostikova O.* Dimension sociologique de l'activité traduisante. La traduction: philosophie et tradition. Ch. Berner, T. Milliaressi (éds). Lille: Presses universitaires du Septentrion, 2011. pp. 129–144.
- Garbovskij N.K.* Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znaniy [Sistemological model of translatology: transdisciplinarity and the system of scientific knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2015. No. 1, pp. 3–20. (In Russian).
- Garbovskij N.K.* Teoriya perevoda: uchebnik. [Theory of Translation: Textbook]. 2-e izd. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007. 544 p. (In Russian).
- Garbovskij N.K., Kostikova O.I.* Ispoved' velikogo perevodchika, ili pervyj evropejskij traktat o perevode [Confession of the Great Translator or the First European Treaty on Translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2009. No. 3, pp. 3–37 (In Russian).
- Garbovskij N., Kostikova O.* Le profil du traducteur apprenti dans le climat cyber-informatique: formation – formateur – formé. *Lebende Sprachen*. 2017. 62(2), pp. 365–378. doi:10.1515/les-2017-0026
- Goffin R.* Pour une formation universitaire “sui generis” du traducteur. *Meta: journal des traducteurs. Meta: translators' journal*, 1971. Vol. 16, No. 1–2, pp. 57–68.
- Greimas A.J.* Sémantique structurale. Paris: PUF, 1966. 262 p.
- Halliday M.A.K., McIntosh A., Strevens P.* The Linguistic Sciences and Language Teaching. London: Longmans, 1964. XIX + 322 p.
- Heilbron J., Sapiro G.* Pour une sociologie de la traduction : Bilan et perspectives. G. Sapiro (éd.), La traduction comme vecteur des échanges culturels internationaux : circulation des livres de littérature et de sciences sociales et évolution de la place de la France sur le marché mondial de l'édition de 1980 à 2004. Paris, Centre de sociologie européenne, 2007, pp. 11–26.
- Komissarov V.N.* Slovo o perevode [A Word about Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973. 216 p. (In Russian).
- Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie: Uchebnoe posobie [Modern Translatology: Tutorial]. Moscow: ETS, 2001. 424 p. (In Russian).

- Law J., Hassard J.* (eds) Actor Network Theory and After. The Sociological Review Monographs. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. 264 p.
- Montesquieu Ch.-L.* Persidskie pis'ma [Persian Letters] (1721). Per. s fr. pod red. E.A.Gunsta. URL: <http://lib.ru/INOOLD/MONTESK/persid.txt>
- Mounin G.* Les problèmes théoriques de la traduction. Paris: Gallimard, 1963. 296 p.
- Nida E.* Toward a Science of Translating. Leiden: E.J. Brill, 1964. X+331 p.
- Propp V.Ya.* Morfologiya skazki [Morphology of the Tale]. Leningrad: Academia, 1928. 152 p. (In Russian).
- Recker Ya.I.* Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika [Theory of Translation and Translation Practice]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 215 p. (In Russian).
- Salevsky H., Müller I.* Translation as Systemic Interaction. A New Perspective and a New Methodology. Berlin: Frank & Timme, 2011. 366 p.
- Shvejcer A.D.* Perevod i lingvistika. [Translation and Linguistics]. Moscow: Voenizdat, 1973. 280 p. (In Russian).
- Souriau E.* Les deux cent mille situations dramatiques. Paris: Flammarion, 1950. 282 p.
- Tesnière L.* Éléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1959. XXVI+670 p.
- Yakobson R.* O lingvisticheskikh aspektah perevoda [On Linguistics Aspects of Translation]. R. Yakobson. Izbrannyye raboty [Selected Works]. Moscow. Progress. 1985, pp. 361–368. (In Russian).